

Екатерина Завершнева

ВЫСОТКА

Серия «Самое время!»

«Высотка» – это настоящий студенческий универсум начала девяностых. В нем есть Москва и Ленгоры, знаменитое высотное здание МГУ, зачеты, экзамены, разговоры на подоконниках, дневники и письма, много музыки, солнца и путешествий налегке. Главные герои «Высотки» интересны и важны себе и друг другу, серьезны и уязвимы так, как бывает только в юности. И все же в романе Екатерины Завершневой главное остается между строк. Это не сюжет, не подробности и даже не характеры, но сам воздух того времени. И, наверное, свобода, о которой так много говорят герои романа, не замечая, что они бессовестно, бесповоротно счастливы, и что этого счастья теперь ничто не сможет отменить...

Вместо предисловия

рассказать о нас как я это помню
от островка к островку

пробовала однажды, и вот:
слова-птицы разом снимаются с места
хлопают крыльями
носятся над землей, перекрикивая друг друга
куда нам теперь?

я предпочла бы просто промолчать
ведь остальные и так без меня обойдутся
разве что ты, Митя
может быть, это нужно тебе?

(Аська, перестань хныкать, говорит Митя
начни, наконец, – и увидишь сама, кому это нужно и зачем
хотя я представляю, что будет дальше:
Петя скажет – все было не совсем так
Гарик обидится, что его вывели непротивленцем
и припомнит тебе каждый случай
когда ему удалось стукнуть кулаком по столу
Баев опять возомнит о себе бог весть что
впрочем, что бы ты ни написала, он обязательно возомнит
Петя усомнится, а Гарик припомнит
поэтому заткни уши и пиши
если жизнь не расставила все точки над и
сделай это за нее!)
нет, Митя, ты не понимаешь
чтобы рассказать о нас (usbut not them)
придется выбросить то, что к теме не относится
в особенности крупное, проблемное и социально значимое
забить на потерянное поколение
за новостями не следить, в выборах не участвовать
оставить в покое «лихие девяностые»
собирать мелкое, незначительное
хуже того, сугубо личное, вьевшееся как ржавчина
невыводимое как солнечный ожог
думаешь, нас поймут?

(хватит изливаться, говорит Баев
подгребай ближе к делу – что там у тебя невыводимое
как пятно от портвейна на белом лабораторном халатике?)

ладно, давайте поименно:
из незначительного предлагаю оставить
Большую химическую аудиторию
двушки, пятнашки и жетончики на метро
пиво «Хамовники», «Медвежью кровь»
приватизационный чек на 360 Кб
письма, записки и выписки из зачетки
номера вагонов и комнат, все до единого
улицы Карла Либкнехта и Розы Люксембург
фоновый радиоэфир
длину саундтреков с точностью до секунды
наушники в кастрюле, яичницу на утюге
сахарную вату, Лёхиного кота
швейную машинку и слово «оверлок»
(которое страшно хочется вычеркнуть)
начальника поезда «Симферополь – Москва»
и даже кроссворд в киевской гостинице
который кто-то оставил на столике
на случай, если объявится заезжий эрудит
знающий все реки Индонезии

впрочем, это детали
а общее умонастроение можно выразить так:
нам по двадцать
ничего особенного, все как у других
но кажется, что это происходит только с тобой

(согласен, это весьма продуктивное заблуждение
подтверждает Петя, снимает очки, трет переносицу
глаза красные, опять торчал у компа, типа работал
и все-таки, что ты собираешься делать?)

очень просто, Петя, смотри –

рассказать:

о том, как встретились на лестнице
и дальнейшее тоже стало лестницей – путешествием к

добавить в скобках:

на лестнице не живут
там только курят, ссорятся или целуются
она ведет прямо на крышу
где небо опутано проводами
и отвесные звезды

признать, наконец:

прожили три года в голубятне над городом
были свободны, как может быть свободно
беспозвоночное, впечатанное в известняк
и тем не менее проиграли – как и все остальные до нас

(ой, только не надо опять про свободу, заводится Митька
я добросовестно внимал тебе, Баеву
вместе и по отдельности
но вы мне так и не объяснили
зачем столько сложностей, когда на самом деле все просто
freedom's just another word for nothin' left to loose
разве что-то изменилось с тех пор
как мы это слушали в два наушника
возвращаясь домой по ночной Москве?)

а закончить примерно так:

прошлое быстро выветривается
оставляя провалы и впадины
мертвые точки воздушного рельефа, рывины звезд
словам не за что зацепиться
и только невероятная острота зрения
как будто зрительные волокна стянуты в точку
а там ранняя весна, обледеневший город
улицы, бульвары, сады, которых давно нет на карте
наглухо запертая комната, солнце в окно
старая мебель, пыль
подоконник, голуби

мы отсюда и не уходили
сидим в кармане, как яблочные семечки-близнецы
из которых еще неизвестно, что вырастет
когда их вытряхнут на ветер
все возможно, все решаемо
нет такой задачки, которую наши зубы
не перегрызли бы за одну ночь
да и ночи как таковой тоже нет
потому что нас несет один и тот же поток
света, времени и любви

пожалуй, для начала хватит
а теперь ~~задавайте вам~~ не очень то умные вопросы

(какие вопросы, Ася
ты ведь ходишь вокруг да около, вздыхает Митька
двигай дальше, не дрейфь)

(а мне понравилось про поток того-сего
внезапно заступается Баев
только я нифига не понял, куда нас несет
и зачем – этого докладчик пока не объяснил, ждем-с)

(Гарик: я тоже не понял насчет писем
ты их сама накатаешь или мои возьмешь?)

(Петя: госкомиссия удаляется на совещание
дико хочу есть, что у нас в холодильнике имеется?)

и пока они так высказываются
у меня есть немного времени, чтобы собраться
откопать старый дневничок
перетрясти внутренние записи
вернуться назад, в точку отсчета
в ту самую Большую химическую
относительно которой мы постановили
что ей в списке быть

С нее-то мы и начнем.

Билет № 17

(А точнее – с проливного дождя.)

Ранним утром я иду по городу, по щиколотку в воде, настроение боевое. Дождь закончился только что, ночь и не наступала (я решила не спать). В руках босоножки, в сумочке паспорт, экзаменационный лист, шоколадка, пять рублей денег и «Двенадцать стульев». Стандартный набор абитуриента, если не считать стульев – это мой талисман.

Через несколько дней – Олежка & Со, остряки-фаталисты, презирают любые экзамены. Пусть ботаны трясутся, судорожно листая Сканави, мы – на подоконнике, читаем вслух; к нам подтягиваются, любопытствуют, просят погромче; гогочут, пока дяденька в черном костюме зазывает нас из дверей с табличкой «БХА». Пора так пора! Раньше сядешь – раньше выйдешь, говорит Олежка, и двое ботанов по соседству нервно смеются; мы встаем, картинно обнимаемся, и будь что будет.

(Да ничего не будет – сдадим... Химфак – не мехмат, а при наборе в четыреста человек реальный конкурс гораздо ниже, чем пишут на стендах. Продрался через математику – дело в шляпе.)

Через неделю «Стулья» проштудированы, на очереди мафия, ассоциации и контакт. Мы с Олежкой обыгрываем остальных всухую. Остальные возмущаются и требуют пару разбить, потому что им так неинтересно. Зато мне интересно – я на седьмом небе. Ради этого поступаем? чтобы сидеть на подоконнике и умничать?

Ассоциирует она! Лучше бы подумала, что дальше будешь делать на этом химфаке, говорит Олежка ехидно. Подашься в самодеятельность? Капустники сочинять будешь? Зачем тебе химия, скажи, пожалуйста? любопытствует он (вовремя!), когда самые страшные экзамены позади.

По нашему клубу любителей Ильфа-Петрова статистика весьма позитивная: к концу абитуры утеряны только двое, остальные прошли по кромке, то есть по четверкам. А пятерок в МГУ и не ставят, во всяком случае, за математику; обладатель четверки – герой, Геркулес, придушивший Немейского льва; да, мы герои, *we are the champions*, остался последний, пустяковый экзамен, и студенческий билет в кармане, а вместе с ним и новая жизнь.

Новая жизнь наступает стремительно. Двадцать восьмого июля в половине шестого утра (вот она, точка отсчета!) обнаруживаю, что сегодня совсем повезло – мой последний экзамен папа проспал. Хлопнул по будильнику, перевернулся, всхрипнул и затих. Я – на кухню, на цыпочках: наконец-то одна! своя собственная! и никто не будет следовать тенью отца Гамлета, компрометируя в глазах клубной общественности.

Вчера папа оговорился, что ему тоже надо в Москву, «по своим делам». Конечно, опять собирался полдня просидеть на лавочке возле памятника Ломоносову с бутылкой кефира и пузырьком валерьянки. До сих пор ни одного экзамена не пропустил, неся вахту возле памятника, чтобы вовремя оказать мне первую помощь, когда я выйду из аудитории зареванная, не сумевшая преобразовать систему уравнений, превратить синус в косинус и уж тем более решить задачку с параметром. Или внятно объяснить, чем алканы отличаются от алкенов, алкинов и алгонкинов.

Как насчет свободы передвижения, папа? торжествую я про себя, наскоро поглощая «легкий» завтрак (который в мамином представлении почему-то состоял из яичницы с сосисками и хлеба с маслом). Имею я право проехаться в электричке одна? молча смотреть в окно, обгрызая шоколадку (ну нет у меня сил терпеть до экзамена!), или просто дремать, заваливаясь на соседа, вместо того чтобы беседовать с тобой о поверхностном натяжении и рисовать в блокноте капельку дождя на подлете к земле?

Папа не только физик-аэродинамик, он еще и педагог. Любит изобретать задачки по ходу движения транспорта, с опережением, чтобы проверить мою так называемую сообразительность. Вполголоса он не может, особенно если речь идет о науке – мешает двадцатилетний преподавательский опыт. Соседи по скамеечке смотрят снисходительно, некоторые даже пытаются подсказывать. Оно и понятно – в этой электричке сплошь аэродинамики с некоторыми вкраплениями электротехников и инженеров-приборостроителей (конечная станция – «Академгородок»), и только на двадцатом километре в вагон садятся нормальные люди, которым интересно про футбол, а не про то, чему равняется «сигма» или «ро». И тогда ненормальные тоже переключаются на футбол, а сплюснутая капелька, нарисованная на листке из блокнота, летит и летит к земле, счастливая уже тем, что о ней наконец-то забыли.

Вообще-то папе было чем заняться. Во-первых, горел квартальный отчет. Во-вторых, на нем висела разнесчастная летно-исследовательская лаборатория, которую руководство давно мечтало закрыть за недостатком финансирования, а всех сотрудников к чертям разогнать. Папа без работы не остался бы и даже мог пойти на повышение, – в соседней лаборатории как раз сняли начальника, – но не ходить же по головам! Мы здесь со дня основания, возмущался он; взять хотя бы Витю Семенова – уникальный специалист, «Буран» продувал, и вот его увольняют, а я остаюсь. Как они это себе представляют?

В общем, у папы классический, интеллигентский *скверный характер*. Ни дня без добрых дел, в ответе за все (буквально: *за все*), поэтому и в мою подготовку к экзаменам он вложил на совесть.

Начали с азов: первая совместная математика проходила по-пифагорейски, за выяснением того, что такое число и почему этого не знает ни наука, которая умеет много гитик, ни философия, которая ничего-то не умеет и не знает. Потом поползли по школьной программе, чтобы «освежить голову» и пойти в атаку на задачки повышенной сложности, выданные на подготовительных курсах. Особого прилежания я не проявляла и папа по-детски обижался, когда все ненужное наскоро выносилось за скобки. Жалобно просил *аккуратней обходиться с маленькой «т»*, когда я норовила ее сократить, как будто это обиженный зверек, которому не налили в блюдечко молока.

И вычитывал мои шпаргалки! а я писала по четыре строки в одной: весь экзамен на подоле юбки (если пришить) или в кармане (если пришивать лень). Находил ошибки, подчищал их лезвием, после чего вписывал недостающее.

Мама при виде этого зверела. Кто у нас поступающий – ты или она? Зачем девочке математика? Мало моей загубленной жизни? Вот увидишь, ее срежут на первом же экзамене. И прекрасно, и замечательно – займется чем-то более подходящим. Перестань упрямяться и вернись в Сорренто, дорогая (это уже мне). Татьяна Александровна простит, у нее в классе есть свободное место. Поработаешь, восстановишь форму, сначала в хор, а потом видно будет.

Ну что ты, мама, – отмахивалась я, – какой хор, мы тут все индивидуалисты. Я уже решила – нет. Петь буду только в пьяном виде, и только «Ой мороз, мороз».

Отец, скажи ей!.. – стонала мама, – я больше не могу. Это

не человек, это истукан. Променять музыкальную карьеру на какой-то химфак!.. с ее-то данными!..

Но папа тер бритвой шпаргалки и молчал.

Каждое утро, собираясь на работу, родители обсуждали мои жизненные планы прямо над моей головой. Их педагогические стили, не совпадая ни в одной точке, на бесконечности сходились. Ей – то есть мне – надо учиться. Она – то есть я – отлынивает. Вывод: после половины девятого спать нехорошо, стыдно, а после девяти – просто грешно. Ася, петушок пропел давно. Подъем, подъем, кто спит, того уьем (и трубят в ухо пионерскую зорьку, нарочито давая в финале того самого петуха). Вставай, наконец! Хватит придуриваться, мы знаем, что ты не спишь.

(Знают они!.. Давно заметила: бодрствующие, особенно те, которые встают не по своей воле, смертельно завидуют тем, кому вставать не надо, попутно производя массу шума: суетятся, умничают, обсуждают – с раннего-то утра! – мировую и региональную политику; делаются ироничными, втыкают в мирную спину спящего ядовитые стрелы острот; роняют разнообразные предметы, иногда бьющиеся; хлопают дверьми, громко завтракают, чистят зубы, ищут обувную или одежную щетку, проездной или ключи; долго не могут попасть в замок, и, наконец, с кашеевым скрежетом заперев дверь на три оборота, хотя было бы достаточно и одного, все равно уходят несчастными. А я спокойно переворачиваюсь на другой бок и досыпаю.)

И так ежедневно. А если не поступлю?

Запилят до смерти.

И вот наконец-то еду на последний экзамен, дожевывая стратегический запас шоколада, глядя в окно на проносящиеся мимо подмосковные дачи. Последний рывок – и всем (всем!) станет легче. Включая меня.

Электричка прибывает в восемь, потом сорок пять минут метро, еще пятнадцать пешком по университетскому парку – и ровно в девять я уже в аудитории. Числа и действия с ними. Каждый из нас тогда постоянно складывал в уме – простейшая арифметика, сколько еще нужно, чтобы. В прошлом году – тринадцать баллов, в этом, говорят, сойдет и двенадцать, а сочинение на зачет. Делим на три, получаем «четыре», итого задачка на равновесие. Главное, не выйти из себя, ничего лишнего. Как говорит Олежка, поменьше фантазии, на экзаменах это не приветствуется. Никаких дееспричастных оборотов, будьте проще.

Сам Олежка, будучи выходцем из республики Коми, никакого сочинения не писал. Ему по закону полагалось право на диктант, которым он в итоге и воспользовался, чем навлек на себя множество насмешек, однако на любые выпады в свой адрес реагировал более чем спокойно, предпочитая короткие и нетрудные пути к цели. При всей своей дурашливости Олежка был здорово подкован, производные щелкал как семечки, но старательно косил под дурачка. Меня всячески опекал (я бы сказала – чересчур; в столь плотной опеке я не нуждалась, и если бы ее стало меньше, не расстроилась бы), угощал черешней из кулька (немытой, разумеется) и ежедневно сопровождал до станции метро «Ждановская». Нет, не потому, о чем давно подумали остальные члены клуба, и вовсе не из благородных побуждений. На «Ждановской» обитала его тетка, одинокая бездетная дама, у которой Олежка окопался всерьез и надолго. Далековато, конечно, зато в итоге горячий ужин и глубокий сон, а у этих, в общаге, такое творится!.. я бы там и дня не протянул, а ты и подавно – срубилась бы, затейница ты наша. Тебе ж во все надо влезть, я правильно понял? Вот и влезла бы на свою голову... А так, чего доброго, и поступишь, и мне с тобой еще пять лет до «Ждановской» мотаться, эхехе.

(Он счастливчик, Олежка, видно даже по физиономии – веснушки, пионерский дискант, море энтузиазма. К этому добру льняные кудри да щечки-яблочки. Не мой тип, но на каникулах наверняка буду без него скучать.)

Экзамен-то безобидный – химия, мое недавнее увлечение. Тут шпаргалки нужны разве что для галочки, как аварийное оборудование на самолете. Если вам спокойнее от того, что под сиденьем впередистоящего кресла находится спасжилет, то пожалуйста, хотя вообще-то смысла в нем никакого, кому суждено потонуть – потонет, рассуждаю я, а время тает, капает, бежит, пора за работу.

Вытянув билет и заняв сладкое местечко в верхних рядах, первым делом проверяю подол юбки, к которому накануне пришла шпаргалки (вверх ногами: отгибашь и смотришь, и не надо ничего доставать из кармана или рукава); но увы – бумажки намокли и отвалились, а формулы, выведенные на коленках шариковой ручкой, расплылись напрочь (ливень!); Олежка далеко, на другом конце аудитории; вокруг все жутко серьезные, уткнулись в черновики, каждый сам за себя и не подходите к ним с вопросами. Хорошенькое начало. Впрочем,

до сих пор ничьими подсказками не пользовалась, и сейчас не планирую.

Ну-с, что у нас там:

Билет № 17.

1. Сурьма и ее свойства.
2. Диеновые углеводороды.
3. Крекинг нефти и ее производные.

Легкотня! Хотя второй вопрос неприятный, да. Не люблю органику – тоскливый раздел, где все определяется номенклатурой и никакого тебе полета фантазии. А как мерзко пахнут органические соединения, во всяком случае те, которые доступны для примитивного школьного синтеза!.. Однако надо признать – с билетом мне повезло, хотя не мешало бы проверить себя, на всякий случай. Ну хоть что-то должно было остаться от тех формул? Хотя бы крекинг нефти?

Ничего, ничегошеньки. Вздыхаю, перевожу взгляд на своего соседа; оказывается, он все это время разглядывал мои коленки с не меньшим интересом; быстро одергиваю юбку и строго смотрю на него (мама осталась бы довольна). Обыкновенное лицо, узкие губы, смеющиеся глаза. Худоба, темно-русые волосы. Не за что зацепиться, прямо скажем.

Вам помочь? спрашивает он, улыбаясь.

Так он еще и находчивый! Я ответила в том духе, чтобы помог себе сам, и занялась сурьмой металлической, аморфной и черной взрывчатой, ее электронными оболочками, свойствами и соединениями.

(А теперь самое время прихвастнуть...)

Кто, кроме меня, в этой аудитории может знать все модификации сурьмы? В школе виды сурьмы не проходят, а я их знаю, даже температуру фазовых переходов помню наизусть. Память у меня что надо. Правда, я могу запоминать только то, что цепляет, но вот такая штука – цепляет все, даже сурьма.

Вообще-то я специализировалась на языках, и по окончании школы прилично знала один, и на полприличия – еще один, но внезапно выиграла городскую химическую олимпиаду. Кому-то надо было идти на химию, мною заткнули дыру в школьной команде, а я возьми да выиграй. Послали бы на физику, сидела бы сейчас в точно такой же аудитории, в доме напротив, на физфаке, и мучительно

вспоминала бы какое-нибудь правило буравчика. Потому что и буравчик тоже цепляет, особенно если физику ведет молодой выпускник пединститута Вася Бородин, в которого наш класс влюблен без памяти, ну и я заодно.

Впрочем, если обобщить вышесказанное, все равно не понятно, почему я сижу именно в этой аудитории, а не в другой... Мда.

(Счастливая натура, хихикает Олежка, только уж больно беспокойная. И хвостунья притом, аж уши вянут. Погоди, тебя тут приструнят. В МГУ все гении, не ты одна.)

Но я отвлеклась. Олежка меня опять отвлек и я быстро забыла про темно-русого, который тогда пошел отвечать первым, хотя его никто и не вызывал. За двадцать минут все накалякал, пробежал глазами – и на амбразуру.

Пижон, подумала я. Не лучше ли сто раз отмерить, прежде чем отрезать?

Уходя, даже не глянул. Насчет помочь тоже больше не интересовался.

Вычеркиваем.

(Если бы мне тогда кто-нибудь сказал, что это тот самый Баев...)

Лестница

Второй раз мы с Баевым встретились на лестнице, возле финальных списков, еще не зная, что оба приняты и долго не задержимся здесь.

С утра палило солнце и ни о чем, кроме заслуженного отдыха, думать было невозможно. Билеты на поезд куплены, белое платье осталось только подшить. Выбрать момент и закончить, иначе скандал, а зачем мне осложнения, перед самым-то отъездом?

Платье создавалось в строжайшей тайне, из метрового отреза ткани, выданного мне для пошива приличной юбки, т. е. хотя бы до колена, а еще лучше – до середины икры (мамино словечко, из словаря аквариумиста-любителя). Мама мотивировала свои требования тем, что все новое – это хорошо забытое старое, и что в моде снова миди и даже макси. Прозрачный педагогический прием, на который я купиться не могла. Пускай они у себя на работе носят миди и даже макси, а мне до зарезу нужно было короткое, я так решила.

Задача безнадёжная, вроде квадратуры круга. Согласно учебнику кройки и шитья, из этого кусочка можно было смастерить: а) юбку, б) передник и в) шортики. Но учебники я презирала: на глазок получалось проще и вернее. Приложил к себе, заколол булавками – и сразу видно, где отрезать, подогнуть или пристрочить... А глубину вытачек пусть считают другие, кому не видно.

Резать я не боялась никогда. Это у меня от бабушки, которая полжизни проработала костюмером в Большом театре, пока ее не поперли оттуда за – конечно же! – скверный характер. Бабушка была эдакой русской m-lle Chanel – прямая, стройная, с вечной папироской в углу рта и неиссякаемыми идеями о том, как из ничего сделать что-то. До войны она обшивала московскую богему, была знакома со множеством «интересных людей» и любила об этом поговорить. Во время ее рассказов мама заметно нервничала и под любым предлогом пыталась увести детей из зоны поражения. Но все бабушкины байки – и про бурные двадцатые, и про подлые тридцатые – я знала наизусть, как и поименный список ее мужей, возлюбленных и просто поклонников. И могла бы при случае дословно воспроизвести.

Да, бабушка была мировая. При такой наследственности, утешала я себя, мне совсем не обязательно строить выкройки на бумаге или носить то, что носят другие. Придумаю лучше.

И придумала. Верх на бретельках, высокая талия и юбка-колокольчик. Длина рискованная, но все-таки длина!.. И тем не менее я понимала, что если мама вовремя обратит внимание на мое новое художество, поездки в Одессу может не получиться. Слишком много отягчающих обстоятельств – город южный, нравы свободные, а мне семнадцать лет. Я прятала свое произведение в шкафу, намереваясь подложить его в чемодан в последнюю минуту. Еще три дня, каких-то три дня – и я буду далеко отсюда, в белом платье, у самого синего моря!..

А сегодня – обнаружить себя в списках зачисленных и бегом на набережную, к Москве-реке. Нет, сначала позвонить родителям, раз уж обещала. Папа выдал целую горсть пятнашек, завязанных в детский носок – и не говори потом, что монетки не нашлось. Одну прозвоним, на остальные мороженого и плюшек. Вот и вся программа.

В вестибюле к телефону очередь; промаялась полчаса. Пятнашка провалилась в щель, в трубке загудело (высокий зуммер, не московский). Что бы им такого сказать, чем огоршить? Ладно уж, они там и без того как на иголках. Все в порядке, папа, на ближайшие пять лет мое будущее определено наилучшим образом. Я теперь человек, я больше не абитуриент. Поздравь: студент – это звучит гордо. Чуть, которую нес каждый второй в очереди на телефон, пытаюсь быть оригинальным.

Позвонила – молодчина. Олежку ждать будем?

Не будем – опять увяжется. Могу я хоть раз прогуляться без него?

Вниз по лестнице, мимо Ломоносова – и в парк.

И тут сверху что-то расколосось, грохнуло – и понеслось.

Барышня в платьице с отложным воротничком (она бы еще передник надела, а на макушку бант!) пронзительно взвизгнула, бросилась под крышу по лестнице потекла вода к ступеньке прилип пробитый автобусный билетик прическа осела, как мартовский сугроб придется снять заколки и вымокнуть что я и сделала сразу же

платье прилипло к телу до полной прозрачности
напомнив любимое кино шестидесятых
мне двадцать лет или, еще лучше, *июльский дождь*
смотрела как откровение когда было тринадцать
мечтала попасть туда, в свои двадцать, любой ценой
и больше не взростеть

трах тарарах жжах бааабах
вода теплая и пахнет *атмосферным электричеством*
потому что мы в святая святых
перед нами памятник основателю российской науки
который, кажется, сконструировал громоотвод
(или это был кто-то другой?)

как быстро выветрились знания
с таким трудом втиснутые в эту голову за десять лет
помню, на картинке из учебника
естествоиспытатель-герой падал, схватившись за сердце
молния прошла его насквозь во время опыта
на благо науки, конечно

(ух, как шарахнуло!
не пора ли под крышу?
или пробежаться до остановки, там переждать?)
надо мной внезапно выстреливает зонт-автомат
сиреневый да еще в цветочек
и снова тот глуховатый голос:
любите мокнуть под дождем
или это у вас от избытка чувств приключилось?
рады, что зачислены в сие богоугодное заведение?
я тоже, так давайте радоваться вместе
вы, я и вон тот господин, который – спасибо ему –
пожертвовал своим зонтом ради вас
ради нас, я хотел сказать
он первый заметил, а я быстрее подбежал
эй, Серый, иди сюда!

– Здравствуйте, – говорит Серый, отряхиваясь, как большая собака эрдельтерьер, – ну и дождь.

– Это ты называешь дождем, лишенец? Это тропический ураган! – продолжает витийствовать темно-русый. Думает, наверное, что неотразим. Балабон.

– Мы вас видели с книжкой и поспорили, в какую группу зачислят, – поделился Серый.

– В сто двенадцатую, – говорю. – А что?

– Повезло тебе, чертяка, – вздохнул Серый, толкая балабона локтем. – А я из сто одиннадцатой, соседями будем. Этому всегда везет, он везунчик. Я с ним десять лет в одном классе учился, знаю. – И снова вздыхает, как собака, которой обещали косточку, да не дали, но она привыкла, ей не впервой.

(Хороший парень этот Серый, и языком не мелет почем зря. Из них двоих, пожалуй, он.)

– Дождь вот-вот закончится, времени вагон. Погуляем? – сказал тот, что мелет языком.

– Не могу, мне надо на вокзал, дядю встречать.

(Господи, ну и дура, какого дядю?! Получше ничего не могла придумать?)

– А дядя у нас кто? Волшебник?

(Прочитировал? Сострил? Но мы не будем улыбаться, мы ответим ему как придется, потому что и у нас внезапно чувство юмора отказало. Промокло и раскисло. Про дядю, конечно, получилось так себе, плоховато получилось, неубедительно. Но надо довести начатое до конца.)

– А дядя у нас сердитый очень. Между прочим, коренной одессит. Обидчивый как дитя, опозданий не прощает. Опоздавшему читается лекция о том, почему так делать не надо, а я еще не готова к лекциям. И последний месяц вольной жизни хочу провести без лекций, причем провести его *как не надо*.

– Любопытно, весьма и весьма, – сказал остряк, прищурившись. Кажется, теперь ему действительно стало любопытно. – Проведите его с нами, мы вам лекций читать не будем. Мы тоже хотим *как не надо*. Научите? И если вы это прямо сейчас выдумали, про дядю, чтобы от нас сбежать, то напрасно. Мы хорошие. Мы просто отличные. Разве не видно? С первого взгляда?

– Дядя, – говорю я холодно, обжигаяще ледяным голосом, почти антарктическим, – живет в районе Молдаванки, на улице Орджоникидзе, бывшая Разумовская. Поезд прибывает через час. Приятно было познакомиться.

(Правда приятно? Когда на тебя узенькими глазками смотрят и говорят банальности?)

– Значит, отложим прогулочку до осени. До первого сентября, если не проспите. Не советую, будет живенько – это я вам обещаю.

Хвастун, болтун, пижон
формулировочки такие пошловатенькие

но почему тогда расхотелось уходить
почему же я прокляла свою убогую фантазию
а заодно и ни в чем не повинного дядю
ожидающего меня со дня на день
в доме на улице Орджоникидзе

минута, остановка, стоп-кадр
лестница, мокрый билетик, прилипший к ступеньке
и предчувствие (так это называется в книжках?)
что сейчас с тобой заговорят и все изменится
мир сдвинется, перевернется
и покатится в тартарары
(и потом этот голос...)

обыкновенная гроза
ничем не примечательное знакомство
начало августа, мокрое платье, горсть пятнашек
кто бы мне тогда сказал, что и это в рамках программы
причем обязательной – не поверила бы

пообсохла в метро, добралась до вокзала
купила пирожок с повидлом, ужасный, резиновый
но после всего пережитого очень хотелось есть
задремала в электричке, чуть не проехав станцию
пронеслась по Гагарина, потом по Молодежной
трижды повернула в замке ключ
(ага! я первая! они еще не приходили!)
скинула босоножки
отрезала хорошенький ломоть черного хлеба
посыпала солью, включила радио
а там песенка про снег
про то, как он идет и всё вокруг чего-то ждет
люблю ее с детства

дома никого, самое время закончить платье
впереди целое лето, последнее беспечное лето
которое мы, конечно же, проведем как не надо
но для начала нужно выспаться и благополучно забыть
сурьму и ее свойства, правило буравчика
закон всемирного тяготения
коленки, дядю, сиреневый зонт
и этого, который мелет языком.

Согласилась бы ты теперь?

* * *

10.08

Моя дорогая Одесса!

Ты совершенно не изменилась, не постарела ни чуточки. Бульвары, трамваи, фонтаны, облака сахарной ваты, грязное любимое море – что еще нужно для счастья? Как будто в детство вернулась – жара, дядя Веня, бабушка Тамара...

Асенька, погадать на трэфового короля? Или на червонного?

Нет, червонных нам не надо, бабушка. Чем гуще масть, тем лучше, ты ведь сама говорила.

Тот червонный, школьный, в которого я была влюблена пять лет без передышки, оказался дураком. Представляешь? Поговорила с ним пять минут на выпускном – и любви как не бывало. Теперь я совсем свободная, и дядю Веню это огорчает. Я надеваю новое платье, а он возмущается, что таких женщин у нас в роду отродясь не было. И сам себя не слышит от возмущения, даже этого вроду-отродясь. Грозится запереть в ванной, откуда я уже не выберусь, потому что ванна сделана на совесть, сам стенки клал, вот этими вот руками.

А в чем причина его гнева, знаешь? Разгуливать под руку с мичманом да по Приморскому бульвару – страшный грех, даже если это хорошо знакомый, крайне положительный субъект, друг семьи. А я разгуливаю. И мне нравится.

Друг семьи высокий, как фок-мачта, и очень надежный. Про себя называю его «товарищ Морфлот». От него пахнет вишневым табаком и веревками. Разговариваем на вы, это красиво, это подчеркивает дистанцию, которая между нами 0-го-го какая, и одновременно снимает ее.

Вот что я пишу, а? Не знаю. У него невеста, у меня – будущее. «Вы будете вспоминать меня как нечто экзотическое. Впрочем, через две недели вы обо мне и не вспомните, потому что у вас начнется новая жизнь».

Он прав, бабушка.

Все как прежде, только я теперь другая.

Взрослая, наверное?

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru